

ЛитРес:

ИВАН ЛЮБЕНКО

КЛИМ АРДАШЕВ. НАЧАЛО

СЛЕПОЙ ПОВОДЫРЬ

Клим Ардашев

Иван Любенко
Слепой поводырь

«Автор»

2023

Любенко И. И.

Слепой поводырь / И. И. Любенко — «Автор», 2023 — (Клим Ардашев)

Июль 1889 года. Клим Ардашев возвращается в Ставрополь на каникулы. Ещё в экипаже он узнаёт, что в результате несчастного случая погиб частнопрактикующий врач. Но так ли было на самом деле? Молодой сыщик не ожидал столкнуться с человеком, живущим под чужим именем, гипнотизёром и даже оказаться в комнате пыток. Колесо преступлений вертится. Удастся ли студенту его остановить?

© Любенко И. И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Иван Любенко

Слепой поводырь

*Светлой памяти ставропольского краеведа Германа Алексеевича
Беликова посвящается*

*Выражаю благодарность Роману Капаницкому за помощь в
работе с архивными материалами*

© Иван Любенко, 2023

Предисловие

Некоторые события, изложенные в романе, действительно происходили в губернском Ставрополе в 1889 году. Имена и фамилии действующих лиц изменены лишь частично или вовсе оставлены прежними. Автор использовал источники, полученные из государственного архива Ставропольского края, Российского государственного исторического архива и государственного архива Российской Федерации, а также материалы периодической печати Ставропольской губернии за 1885–1889 годы.

Глава 1

Пациент

Omnia peccata sunt paria¹

12 июля 1889 года, Ставрополь

Частнопрактикующий врач Оскар Самуилович Целипоткин – высокий красавец с густыми усами, возраста Иисуса Христа перед распятием – с утра чувствовал беспокойство. Через несколько минут ему предстояла неприятная задача – ознакомить пациента с результатами анализа. Он многожды прокручивал в уме начало беседы, но всякий раз получалось либо театрально трагично, либо галантерейно приторно.

Доктор сидел за рабочим столом и что-то рисовал в блокноте-ежедневнике карандашом. Когда рисунок был уже почти закончен, зазвенел колокольчик входной двери. Горничная отпросилась к родственникам на свадьбу в Медвеженское, а супружница с двумя дочками третьего дня укатила на воды. Хозяину кабинета пришлось самому шагать в переднюю и отворять резную дубовую дверь. Скрипнули медные петли.

- Прошу вас, голубчик, входите.
- Премного благодарен.
- Пожалуйте в кабинет.
- Исключительно вам признателен.
- Садитесь в кресло, у стены. Там вам будет удобнее.
- Не извольте беспокоиться. Я лучше к вам поближе, на стульчик, если не возражаете.

Медик недовольно поморщился и, отодвинув кожаное кресло на максимальную длину от стола, отворил окно. В комнату ворвался свежий ветер и шум улицы.

– Ну-с, голуба моя, у меня для вас неутешительные новости. Результаты анализа, прямо скажем плачевные, – Оскар Самуилович прокашлялся, – вы занедужили лепрой. Её ещё называют проказой. Об этом свидетельствуют палочки Хансена, обнаруженные в ваших срезах.

Пациент побледнел. Потупив голову, он провёл по лицу дрожащей рукой и спросил жалостливо:

- Может, это ошибка-с?
- К сожалению, нет. Я трижды исследовал вашу плоть под микроскопом. Вот медицинское заключение, – вымолвил врач и придвинул лист бумаги, набранный на машинке.

Пробежав глазами текст, посетитель нервно сглотнул и спросил:

- А если попробовать меня вылечить? Я найду деньги...

– Сегодняшняя медицина бессильна перед проказой. Такую вакцину ещё не изобрели. Однако там, где вы будете проходить лечение, применяют разные способы борьбы с этой опасной инфекцией: практикуют ванны с сулемой, вводят в кровь генокардиево масло и даже в медицинских целях используют цианистый калий. Всё это помогает остановить распространение язв.

– Выходит, мне придётся лечь в лепрозорий? – осведомился больной, окинув медика недобрый взглядом.

– Вы обязаны это сделать, голубчик. И я, как врач, должен немедленно известить городскую санитарную комиссию о вашем диагнозе.

- И что потом?

---

¹ Все преступления схожи (лат.) (здесь и далее примечания автора).

– Скорее всего, вам запретят выходить из дома, после чего под охраной полицейского доставят в ближайший лепрозорий. Он находится в Астраханской губернии.

– Лучше уж я сам туда доберусь.

– Не положено, голуба моя, не положено. Полицейский обязан следить, чтобы вы не приближались к окружающим ближе трёх саженей².

– Ясно... Вы сказали, что проказа – инфекционное заболевание. Выходит, меня заразили?

– Да, по всем вероятностям.

– Но кто и когда?

– Трудно сказать, – врач пожал плечами. – Продолжительность инкубационного периода до конца не определена. Многое зависит от человека, его способности сопротивляться «чёрной смерти». Способ передачи этого заболевания малоизвестен. Заразиться можно от соприкосновения с телом прокажённого, а бывает, что достаточно одного чиха больного, чтобы инфекция проникла внутрь другого организма. Известны случаи, когда мужьям, жившим с больными лепрой жёнами, эта зараза не передавалась, но бывало и так, что муж, занедуживший проказой, узнав, что у жены есть любовник, преднамеренно заражал её, надеясь, что в лепрозорий попадёт и прелюбодей. Позже выяснилось, что супружница заразилась, а её любовник – нет. Всё зависит от индивидуальной предрасположенности к инфекции.

– Скажите, Оскар Самуилович, а вам известны случаи исцеления?

– Видите ли, голубчик, – развёл руками доктор, – данная область медицинской науки весьма узка. К тому же, в нашу провинцию с большим опозданием доходят научные журналы из-за рубежа, а посему я не могу дать вам точного ответа.

– Как я понимаю, меня навечно упрячут в тюрьму под названием лепрозорий. И если обычный каторжник уповает на освобождение по сроку, или паче чаяния, по милостивому соизволению государя, то я такой надежды буду лишён. А значит, у меня нет ни малейшего шанса на возврат к полноценной жизни.

Целипоткин молчал. В комнате стало так тихо, что было слышно, как идут напольные часы.

– Сколько я вам должен?

– Учитывая лабораторные исследования и, простите, моё нахождение в непосредственной близости от больного... Словом, с вас двадцать пять рубликов. Деньги, конечно, немалые, но что поделаешь...

– Я могу забрать лабораторное заключение?

– Оно ваше. Осталось лишь оплатить труд мой праведный.

Эскулап замер в выжидательной позе и возникло неловкое молчание.

– У меня нет с собой двадцати пяти рублей. Есть только десять. Я не рассчитывал на такую сумму. Остальные пятнадцать занесу через полчаса. Вас это устроит? – протягивая красненькую³ грустно осведомился пациент.

– Вполне. Положите деньги на стол.

– Как будет угодно-с, – кивнул визитёр и зашагал на выход.

Услышав, как хлопнула дверь, Оскар Самуилович поспешил в соседнюю комнату к медному умывальнику и принялся тщательно протирать руки раствором сулемы.

---

² Сажень – 2,13 метра.

³ 10 рублей.

Глава 2

Дорога домой

Ранним утром 15 июля 1889 года – в день празднования святого равноапостольного князя Владимира – поезд Ростово-Владикавказской железной дороги подкатил к перрону станции Невинномысская.

Одноэтажное здание вокзала, расположенное на территории казачьей станицы, относилось ко второму разряду и потому снаружи выглядело весьма скромно, но внутри имело всё необходимое: кассу, залу ожидания, багажную комнату, газетный киоск и даже ресторацию.

Из вагона II класса, выкрашенного в жёлтый цвет⁴, вышел молодой человек двадцати двух лет приятной наружности. Тонкая нитка усов, канотье, лёгкий бежевый сюртук, шёлковый галстук, белоснежная сорочка со стоячим воротником и светлые штиблеты говорили о том, что он следит за последними веяниями моды. В правой руке приезжий держал бамбуковую трость с шарообразной ручкой, а в левой – небольшой чемоданчик. Посмотрев по сторонам и, не найдя носильщика, он вошёл в здание вокзала и купил газету «Северный Кавказ», стоившую всего семь копеек. Уже на привокзальной площади вояжёр поставил ношу и, вынув из кожаного портсигара папиросу, закурил. Вдоволь насладившись ароматом папирос «Скобелевские», он уже собирался поднять чемодан, как невесть откуда возник долговязый артельщик с заячьей губой, едва прикрытой редкими усами, и в длинном фартуке.

– Куда прикажете нести, барин? – осведомился он.

– К извозчицкой бирже.

– В таком разе надоть чуток пошибче шагать. Колясок на всех господ могёт и не хватить. Тады Вашему благородию ждать придётся.

– А дилижанс до Ставрополя разве не пустили?

– Обещают, но куды там! – махнул свободной рукой носильщик. – Они ещё шоссу⁵ никак до ума не доведут. Её осетины строят. Третьего дня они с местными поцапались. Народ гутарит, что казаки сами горцев задирали. . .

– В Невинномысской станице?

– Не, в Барсуковской. Ужо солнце заходить стало, как лошадь полоза испужалась и понесла осетинскую телегу прямком на казачий плетень. Забор упал, и гнедая в огороде очутилась, грядки потоптала. Хозяин выскочил из хаты и затребовал от горца полтора десятка рублёв или новый забор. Тут ещё и жинка его впряглась в ссору. Осетин и огрызнулся. Тогда баба так огрела горемыку пустым кувшином по башке, что черепки во все стороны разлетелись. Понятное дело – скандал, сбежались земляки. Горлопанят по своему, а в драку не лезут. Но станичникам и этого достало. Накинулись гурьбой на пришлых и давай их отделявать, кто плетью, кто колом, а кто и цепами. Заваруха! Кровь хлыстала во все стороны. А чья-то жинка испужалась побоища и побегла до полиции. Два урядника притопали. Оба под мухой. «Бейте, – кричат, – братцы, басурман, ничего вам за это не будет!» – И сами в драку кинулись. . . Правда, потом опомнились, а что толку? Уже поздно было. Четверо строителей не смогли с земли подняться. Их в лазарет увезли, но один по дороге помёр. Опосля в Барсуковскую судебный следователь наведалься, допросы учинил и увёз с собой двоих. Под арестом они, в тюремном замке.

---

⁴ В этот период вагоны, принадлежащие министерству путей сообщения с 1879 года окрашивались согласно классам: I – синий, II – жёлтый (иногда золотистый или светло-коричневый), III – зелёный, IV – серый.

⁵ Шоссе – (франц.), широкая дорога, почти всегда обсаженная с обеих сторон деревьями, крепко убитая щебнем с канавами для стока воды; если шоссе хорошо содержится, то очень удобно для езды во всякое время года («Словотолкователь, и объяснитель иностранных слов, вошедших в русский язык», Москва, 1898 год).

Сказывают, судить тех станичников будут... А вот и коляска. И возница. У него хорошая ездовая пара. Лошадки молодые, выносливые. Часа за четыре-четыре с половиной довезёт.

– Ну что, Егорушка, возьмёшь барина до Ставрополя? – осведомился носильщик.

– Одно место свободное. Милости прошу! – отвечивал ямщик. – Он принял чемодан у артельщика и принялся приторачивать его верёвками на задке.

– Доброго здоровьица, барин! – поприветствовал кого-то носильщик в этой же коляске и, не услышав ответа, зашагал прочь.

– Доброе утро, сударыня и господа! – усаживаясь в четырёхместный кабриолет, выговорил молодой человек, одновременно приветствуя попутчиков лёгким подъёмом соломенной шляпы. В ответ он получил сдержанную улыбку от сидящей напротив премиленькой барышни лет двадцати (очевидно, курсистки), источавшей аромат брокаровской «Персидской сирени», а от её соседа, перешагнувшего пятидесятилетний рубеж, толстяка купеческого вида с деревянной тростью, завершающейся железной ручкой в виде утиного клюва, – холодный кивок. Послышалось благосклонное «доброе!» от расположившегося рядом господина средних лет с открытым лицом, усами-саблями, клиновидной бородкой и саквояжем на коленях.

Вскоре коляска тронулась, проезжая через станицу Невинномысскую. Над свежевывеленными, утопающими в садах, казачьими хатами возвышалась деревянная колокольня храма Пресвятой Богородицы. Из-за заборов выглядывали жёлтые подсолнухи и любопытные детские головки, а в придорожной пыли Большой улицы купались воробьи. Слышался лай собак, мычанье коров, да грустная, доносящаяся из тополиных крон, песнь кукушки. В небе, напомиавшем изрядно застиранную и подкрашенную синькой простынь, носились стрижи. Пахло скирдованным сеном да не убраным с проезжей части конским навозом. День обещал быть жарким, как и все прошедшие летние дни. Об этом же вещала и передовица «Северного Кавказа» за вчерашнее число. Её-то и открыл молодой человек: «Продолжительное бездожие и чрезвычайные жары, вызванные как высокою температурою, так и ещё более сухим восточным ветром, повлекли за собою, почти повсеместно по всей губернии, полный неурожай хлебов и трав, грозящий серьёзными бедствиями. Только 1877 год мог бы соперничать с настоящим относительно неблагоприятности атмосферических условий для всякого рода растительности. Бедствие увеличивается ещё и появлением саранчи, пожирающей остатки жалкого хлебного злака на нивах. Рядом с этим и пожары, столь редкие в губернии по случаю огнеупорного материала, из которого устраиваются жилища (саманный кирпич), становятся теперь довольно обычным явлением, обусловливаемым тою-же сухостью воздуха и сильными ветрами. Этот год надолго подорвёт благосостояние нашего населения, занимающегося исключительно хлебопашеством и скотоводством, то есть такими отраслями хозяйства, исход которых всецело зависит от атмосферных капризов».

– Ещё и восьми нет, а парит, как в Африке! – недовольно пробубнил толстяк, вытирая носовым платком, капли пота со лба. На его жилетке красовалась золотая цепочка карманных часов толстого плетения. Он вынул из левого кармашка золотой брегет, щёлкнул крышкой и провещал: – Только половина седьмого. А что будет в полдень?

– Вероятно, градусов двадцать пять, а то и выше⁶, – предположил курчавый господин с саквояжем напротив. – Видать, и зимы в здешних местах тёплые.

– Не скажите, сударь, не скажите, – покачал головой собеседник. – В прошлом году, как раз на Васильев вечер⁷, отсюда же, из Невинки, в Ставрополь, во второй половине дня, на двух санях, выехали артисты: Смирнов и Таманская; причём они разместились вместе, а их багаж следовал за ними уже с другим возницей. В тот день дул сухой восточный ветер, уве-

---

⁶ В XIX в. в России температуру измеряли по Реомюру (R), потому плюс 25°R составляло плюс 31°С.

⁷ По старому исчислению в канун Нового года отмечался день святителя Василия Кесарийского, христианского богослова, жившего в IV веке н. э.

личивающий стужу до минус 25°R-28°R⁸. Не доезжая нескольких вёрст до станции Темнолесской, кучер сбился с пути и увёл сани в сторону от тракта. В поисках дороги седоки, ямщик и лошади начали выбиваться из сил. К довершению несчастья, актриса совсем закоченела и почти заснула на морозе. Слава богу, что у Смирнова имелась фляжка с водкой. Он сумел разжать умирающей артистке рот и заставил её сделать несколько глотков, после чего принялся оттирать ей лицо водкой и вскорости дама пришла в себя. Все надеялись на помощь второго ямщика, следовавшего за ними, но он так и не появился. Впоследствии оказалось, что тот возница тоже отклонился от тракта. Поняв это, он решил вернуться назад в Невинку, но доехать туда ему не удалось. Так бедолага и замёрз в степи. Его труп, как и останки двух лошадей, на следующий день обнаружил, проезжавший мимо казак. А первый ямщик, актёр Смирнов и актриса Таманская сумели добраться до станции Темнолесской пешком, поскольку их лошади тоже замёрзли. Больше всех пострадал Смирнов – он отморозил правую кисть. В Ставрополь его привезли только второго января и сразу же поместили в больницу.

– А как же его кисть? – не удержалась от вопроса девица.

– Её пришлось отнять, – грустно вздохнув, вымолвил рассказчик, ёрзая ногами.

– Боже всемилостивый! – прижав к щекам ладони, воскликнула попутчица.

– Позволю с вами не согласиться, – оторвавшись от газеты, изрек молодой человек. – Мой отец поведал в письме об этой трагедии, но, он утверждал, что уже третьего числа Смирнов играл Гамлета в зимнем театре Иванова. И рарá ему аплодировал.

– Разве? – недовольно проронил купеческого вида попутчик, – а кто ваш отец будет?

– Гласный ставропольской городской думы, отставной полковник от инфантерии Ардашев.

– Пантелей Архипович? – покрутив тростью, осведомился собеседник. – А вы, стало быть, его сын? Клим? И в столице учитесь?

– Совершенно точно.

– Вот дела, так дела! Я так много слышан о вас. Позвольте рекомендоваться: Павел Петрович Дубицкий, купец II гильдии. Я ведь и новый дом построил на Барятинской № 7 по заказу Пантелея Архиповича. Родители ваши-с ещё в мае в него переехали, новоселье справили. Меня пригласить изволили. Погуляли знатно-с! А теперь вот вас дожидаются... А что до актёришки того, то насчёт отрезанной руки я фантазийно прибавил. Вы уж простите великодушно-с...

– Нет-нет, ничего, – улыбнулся Ардашев, – литературный вымысел вполне допустим в историях такого рода.

– Вот-вот, – кивнул негоциант, – так даже интересней. – Скажу вам по секрету: давно пора прогнать взашей нашего городского голову – никчёмного пустослова, готового лоб расшибить в поклонах губернатору Констанди – и на его место назначить батюшку вашего, Пантелея Архиповича. А то ведь в городе один кавардак да разные непотребства творятся. Возьмите, к примеру, больничное дело. Я не видел ни одного губернского города с таким плачевным состоянием здравоохранения. Ведь у нас, стыдно сознаться, городской врач – один на тридцать пять тысяч населения. Ассистента у него нет и операционной тоже не имеется. Больница мала и коек недостаточно. Спасают лишь частнопрактикующие эскулапы. Но их всего трое, потому и цены дерут несусветные... А с умопомешанными в Ставрополе совсем беда. Их некуда девать. По базарам и паркам расхаживают безумцы с диагнозами мрачного помешательства или неистовства. Этим несчастным не нашлось свободных коек в отделении для умалишённых в больнице местного приказа общественного призрения. И – представляете! – даже там всего один доктор психиатрии! Я готов был взять подряд на строительство новой лечебницы для душевнобольных, но по указке городского головы его передали другому подрядчику, потому что у него,

---

⁸ Минус 31°С – 35°С.

видите ли, цены ниже моих! Да, возможно, я строю дорожке, но зато прочно, на века!.. Или вот возьмите второе неудобство – отсутствие водопровода. А уж, пардон, о канализации я и не заикаюсь. Мы же не какие-нибудь древние римляне, чтобы водопроводы да канализации строить... Карабинский источник доставляет всего лишь 25 000 ведер в сутки. Холодный родник в сию жару уже не может дать больше 100 000. Так почему бы не провести изыскания и не снабдить город чистой и дешёвой водой? А то ведь водовозы в жару ведро воды продают по пять копеек! Где такое видано?

– Спасают колодцы. Без них город бы не выжил, – поддакнул Ардашев.

– Вы совершенно правы, Клим Пантелеевич. – Только дело в том, что колодец колодцу рознь. В одном водичка только для питья скотины годится, в другом – лишь для стирки, а в третьем, к примеру, для засолки овощей. А вот таких, чтобы и пить можно было, и еду готовить, и всё остальное – не так уж и много. Вашему батюшке повезло. На территории нового дома был старый колодец с превосходной водичкой. Мои артельщики вычистили его, углубили и обложили ракушечником. Не вода, а святой источник. А всё потому, что неподалёку подземные течения проходят. Они его и наполняют.

Собеседники понимающе кивнули, но ничего не ответили. Девушка, сидящая напротив, продолжала безмолвно читать томик какого-то произведения, заботливо обёрнутый в серую бумагу. Ветер слегка теребил её соломенную шляпку с голубой лентой и букетиком искусственных цветов, а чёрная прядь волос маленькой спиралькой свисала у мочки правого уха. Её смуглая кожа и большие чёрные глаза свидетельствовали о восточных корнях. Клим украдкой любовался её красотой. Попутчица это заметила и взглянув на него, обидчиво заморгала длинными ресницами, тотчас их опустив. Она вдруг посерьёзнала и её аккуратный нос горделиво вздёрнулся. И даже чувственные губы обиженно надулись, отчего барышня стала ещё прекраснее. Утянутая корсетом талия и длинное платье с закрытыми рукавами из плотной тёмно-синей дорогой материи хоть и подчёркивали её стройную фигуру и серьёзный недостаток, но в большей степени делали из неё мученицу при нещадно палящем солнце. Сразу было понятно, что она не из глухой провинции, куда журналы с последними французскими модами доходят через месяц.

По железному мосту переехали Кубань. Река почти не шумела. Из-за засухи уровень воды упал ниже среднего.

Старая грунтовая дорога, проложенная во время возведения Темнолесского и Стрижаментского ретраншементов⁹ солдатами 16-го егерского полка и канонирами 9-го Ставропольского артбатальона давно пришла в негодность. Новое шоссе, протянувшееся извилистой нитью от Невинномысской до Ставрополя, хотя ещё и не законченное, впечатляло. Отсыпанное речным песком с щебёнкой, с дождевыми лотками по краям, оно имело проезжую часть шириной в две с половиной сажени. Мосты построили на века – каменные, бетонные и металлические. Вдоль дороги высились телеграфные столбы с натянутой на них медной проволокой. Столица губернии теперь без труда могла обмениваться сообщениями со станцией Невинномысской. А ещё год-два назад это можно было сделать только через станцию Кавказскую. Из-за этого телеграммы, отправленные из Ставрополя в Невинномысскую, шли два-три дня, и купцы, заключавшие сделки, попросту отправляли сообщения нарочными. Теперь же губернский центр был соединён телеграфом с Ростовом, Владикавказом и Тифлисом.

Поля, выжженные безжалостным солнцем, представляли жалкое зрелище. Трава на лугах пожухла, и пастухи угнали отары овец поближе к холмам. Там, в тени между возвышенностями, ещё сохранилась сочная растительность. Лишь одинокие бурёнки неподалёку от дороги лениво и невозмутимо пережёвывали то, что находили под копытами.

Возница, чтобы напоить лошадей, сделал первую остановку через десять вёрст у ночлежного дома с пристроенной к нему караулкой и колодцем. По его словам, такие пристанища

---

⁹ Фортификационное сооружение.

построили на шестой, пятнадцатой, двадцать девятой и сорок пятой версте от Ставрополя. А на семнадцатой и тридцать шестой версте возвели две добротные почтовые станции – «Горная» и «Равнинная». В них можно было не только снять комнату для отдыха, ожидая смены лошадей, но и перекусить. Словом, всё уже было почти готово для открытия шоссе и запуска дилижансов от Невинномысской до Ставрополя.

За время стоянки купец успел вынуть из чемодана коробку, разрисованную весенними цветами, на которой читалось: «г. Гродно. Кондитерская Копача». Протянув её попутчикам, он сказал:

– Угощайтесь. Мне эти марципановые конфеты родственники прислали. В здешних краях таких не делают, вот и вожу собой.

– Безумно вкусно, – призналась барышня, отведав одну из них в форме маленькой груши. – Меня зовут Анна.

Мужчины почтительно склонили головы, и по лицу каждого пробежала одобрительная улыбка.

Отведав сластей, испив колодезной водицы, пассажиры снова забрались в коляску и тронулись в путь.

– Простите, что не представился сразу, – обратился к Дубицкому сосед Ардашева. – Не хотелось вас перебивать. Меня зовут Осип Ильич Вельдман. Еду из Владикавказа в Ставрополь и собираюсь пробыть в вашем городе несколько дней. Не посоветуете ли, где остановиться?

– Можно в «Лондоне», на углу Хопёрской улицы и Николаевского проспекта, но лучше в «Варшаве» на Казанской площади. Гостинице всего три года. Любимое место заезжих артистов. Там даже небольшой концертный зал имеется.

– Мне бы место поспокойнее.

– Тогда подойдёт «Херсон» у Пospelова, рядом с «Варшавой». В этой гостинице в 1856 году останавливался персидский поверенный Махмуд-хан со свитой и сопровождающими его казаками. Павел Кузьмич Пospelов даже табличку повесил об этом событии. Сказывают, персиянин настолько доволен остался постоем, что знатно одарил хозяина.

– Чувствительно вам благодарен. Лучше места не придумаешь.

Переехав по мосту реку Егорлык, коляска вошла в ложбину, лежащую между горами Стрижамент и Недреманная. На возвышенности, у хутора Извещательного, виднелась ещё сохранившаяся сторожевая казачья вышка, откуда служивые наблюдатели извещали Ставрополь о появлении горцев. Несмотря на то, что Кавказская война закончилась четверть века тому назад, набеги туземных хищников прекратились не сразу.

Клим снова погрузился в чтение «Северного Кавказа». Раздел «Происшествия» рассказывал об иной, менее привлекательной стороне жизни губернского центра. Среди заметок о кражах скота, торговле запрещённым товаром и поножовщине у обжорных рядов на Нижнем базаре, внимание привлекло сообщение о нелепой трагедии: «Вечером третьего дня на Александровской улице в доме номер 73 найден труп частнопрактикующего врача О. С. Целипоткина. Как следует из осмотра, смерть наступила по причине падения тяжёлой люстры на голову доктора. Сие случилось из-за размыкания одного из звеньев бронзовой цепи, удерживающей керосиновую лампу в кабинете, где он вёл приём. Единственное окно было затворено на шпингалет. Входная дверь также оказалась запертой изнутри. Тело обнаружила горничная, заглянувшая в щель между портьерами закрытого окна и тотчас сообщила в полицию. По прибытии на место, помощник полицмейстера В. А. Залевский и городской врач А.Ф. Мартынов засвидетельствовали смерть хозяина дома. Супруга покойного, отдыхавшая на водах с детьми, была срочно вызвана телеграммой в Ставрополь и уже вернулась. Отпевание и похороны О. С. Целипоткина имеют быть завтра в два пополудни».

– Похоже, с медицинским обслуживанием в Ставрополе будет ещё хуже, – грустно заметил Ардашев.

– Отчего же-с? – осведомился Дубицкий.

– Да вот, пишут, что доктор Целипоткин погиб, – пояснил Клим.

– Позвольте взглянуть?

Ардашев протянул газету.

– Вот так-так! – пробежав глазами заметку, с сожалением чмокнул губами купец. – Как же это? А ведь хороший был медикус! Надо будет прийти проститься с ним сегодня.

– Разрешите полюбопытствовать? – спросил Вельдман, и «Северный Кавказ» оказался у него в руках.

– И за что же господь послал ему такой конец? – покачав головой, произнёс негоциант.

– Пути Господни неисповедимы. Призвал Всевышний несчастного на Божий суд... – грустно выговорил сосед Ардашева и вернул газету.

Трагичная новость настолько опечалила ездоков, что до самого Ставрополя они не проронили ни слова.

От села Татарского дорога шла серпантинном к лесу Угольному, прозванному так ставропольцами из-за древесного угля, добываемого там для утюгов и самоваров. Наконец, пройдя недостроенный участок пути, колёса кабриолета вновь побежали по щебёнке Невинномысского шоссе, ведущего на одноимённую улицу Ставрополя.

Город встретил коляску пылью, щебетаньем птиц, шумом тарантасов и колокольным звоном. Конечным пунктом поездки были Тифлиссские ворота, выстроенные в честь славной победы русского оружия над армией Наполеона. Когда-то они были восточной заставой города от набегов горцев. Кавказская война закончилась, и теперь триумфальная арка стала городской достопримечательностью. Ещё недавно здесь собирался обоз экипажей обывателей, следовавших на воды под охраной казаков.

Распрощавшись с попутчиками, Клим нанял извозчика и через десять минут он уже открывал калитку нового родительского дома на Бярятинской.

Глава 3

Родные пенаты

– Встречай, мать, гостя! – обнимая сына, молвил слегка полный мужчина шестидесяти трёх лет с бакенбардами, густыми седыми усами и заметной проплешиной. Пантелей Архипович Ардашев был одет в длинный коричневый шлафрок с атласными отворотами поверх натальной рубахи. Под полами виднелись загнутые носы восточных чувяк.

– Климущка! – взмахнула руками Ольга Ивановна Ардашева, женщина пятидесяти восьми лет в белом чепце и длинном сером платье простого покроя. Её открытое и доброе лицо ещё сохранило остатки былой красоты. – А что ж ты телеграмму не прислал? Мы бы подготовились. А то вот горничную на базар отправили. Но ничего, я и сама на стол накрою.

– Не хотел вас беспокоить, – целуя родителей, ответил Клим. – Хоромы, вижу, вы знатные отгрохали! Молодцы!

– Да уж старались!

Неожиданно к Климу подбежал щенок тёмно-коричневого окраса с белым пятнышком на лбу и, остановившись в нерешительности, вдруг трижды протявкали.

– А это что за бутуз?

– Ты же знаешь нашего отца – доброе сердце. Возвращался после заседания думы и подобрал где-то этого брошенку. Он почти умирал. Клещи заели. Вылечили, отмыли, откормили. Назвали Громом. Двор без него теперь не двор.

Клим поманил щенка. Тот с опаской приблизился. Ардашев почесал его за ухом, и пёс потёрся мордочкой о ногу гостя.

– Признал! – обрадовалась мать.

– Можешь считать, что Гром принял тебя в нашу семью, – добавил старший Ардашев.

– Какие новости? Рассказывайте.

– Родитель твой имение в Медвеженском уезде продал купцу Дёмину, – горько вздохнула матушка.

– Да зачем оно мне? А в Ставрополе интересные дела намечаются. Завод собираются строить по производству земледельческих орудий. Я стал одним из пайщиков. И кое-что осталось на чёрный день.

– Ох и рискованно у тебя отец, – покачала головой Ольга Ивановна.

– Да что же мы стоим? Пройдём в дом, сынок. Посмотришь хоть какую комнату мы тебе приготовили. Вернее, даже не комнату, а кабинет!

Не успел Клим вступить за порог, как перед ним возник долговязый молодой человек с длинными редкими волосами, жиденькими усами и такой же бородкой. На правой стороне носа, чуть выше кончика, точно муха, взгромоздилась чёрная бородавка. Незнакомец был одет в серый подрясник и совершенно бос. Он протянул руку и сказал:

– Позвольте рекомендоваться – Ферапонт Благодоров.

– Клим! – ответил на рукопожатие гость.

– Ферапонт у нас обретается, в твоей комнате. Вторую кровать мы туда уже занесли. Вместе вам веселее будет, – сообщил отец. – Ты же не против?

– Нет, – выговорил Клим, сожалея в душе, что делить комнату придётся с незнакомцем, который напоминает дьячка. И эта мимолетная грусть, промелькнувшая на его лице, не скрылась от внимания молодого человека в церковном одеянии, который робко заметил:

– А может, лучше я съеду?

– Я тебе съеду! – погрозив пальцем, выговорил Пантелей Архипович. – Ни в коем случае! А кого я буду в шахматы обыгрывать?

– Сына.

– Ага, – почесав нос, недовольно буркнул старший Ардашев, – обыграешь его... Помнится, последний раз я ему ставил мат, когда он учился в пятом классе.

– Сынок, мы тебе не успели написать, – начала объяснять Ольга Ивановна, – Его преподобие, настоятель Успенского храма, был у нас на новоселье и пожаловался, что Ферапонтушке жить негде. Родитель твой предложил поселить его у себя без оплаты, но с одним условием: Ферапонт обязан играть с ним в шахматы, когда тот его попросит. Таков уговор. Азартными играми увлекаться ему вера не позволяет, а в шахматы – пожалуйста. Только выяснилось, что Ферапонт никогда шахмат не видел. Но отец от своего не отступил, учит его сим премудростям, а правильное сказать – мучает.

– Ну уж ты краски, матушка, не сгущай. Нисколько я его не принуждаю. Он парень мышлёный. Духовную семинарию окончил с отличием и древнюю игру освоил быстро. Будет жить у нас, пока не обвенчается. Только после этого отец Афанасий имеет право рукоположить его в диаконы. Но вот загвоздка – достойной невесты у него на примете нет. Поэтому он и служит пока псаломщиком в Успенском храме и вполне успешно сражается со мной на шестидесяти четырёх клетках.

– Если бы успешно, – вздохнул Ферапонт. – Вы, Пантелей Архипович, без ферзя со мной играете, а я даже вничью ни одной партии с вами не свёл.

– Будет тебе, друг мой, приbedняться! – махнул рукой отец и вновь обратился к Климу: – Давеча я дал ему решить шахматную задачку – «Бегство Наполеона из Москвы в Париж», которую наш русский мастер Александр Дмитриевич Петров продемонстрировал петербургскому генерал-губернатору Милорадовичу в 1824 году.

– Мат в 14 ходов? Поле b1 символизирует Москву, h8 – Париж. Чёрный король, если я не ошибаюсь – Наполеон, а белый – Александр I? – спросил Клим.

– Ты её ещё помнишь?

– Белые кони это казаки Платова, диагональ h1 – a8 – река Березина, так?

– Точно! Так вот он уже на шестом ходу и «пленил» французского императора!

– А надо было на четырнадцатом, – улыбнулся Клим. – В том-то и смысл задачки. Петров, тем самым, намекнул Милорадовичу, что захватить Наполеона в плен можно было ещё при переправе через Березину по диагонали h1 – a8.

– Ох и память у тебя, сынок! Дай бог каждому! – похлопывая Клима по плечу, выговорил отец. – Ну хватит стоять в передней. Давайте за стол. А я в погреб, за кизиловой настойкой. Прошлогдняя. Самолично делал. Пока матушка на стол соберёт, мы по рюмашке и опрокинем.

– Я, достопочтенный Пантелей Архипович, пожалуй, водицы изопью, или чаю, если есть, – усаживаясь на свободный стул, чуть слышно вымолвил псаломщик.

– Ферапонт – ты же ещё не диакон и жить пока можешь, как любой мирянин. Ну зачем ты себя мучишь, а? – сокрушаясь, изрёк старший Ардашев. – Ведь даже Иисус на свадьбе в Кане Галилейской обратил воду в вино.

– Так ведь Спаситель сотворил чудо сие, дабы «явить славу Свою», и тогда «уверовали в Него ученики Его».

– Как знаешь, Ферапонтушка, как знаешь. Водица в питьевом ведре. Ты уж тогда сам себе её и принеси. Не сочти за труд, – вздохнул хозяин дома и вышел.

Ферапонт остался в комнате.

– Что нового в Ставрополе? – осведомился Клим.

– А что в нашем захолустье может быть нового? Ничего! Пыль, провинция, покой погостный, процветает повальное пьянство, полицейский произвол, пожары – полный перечень произошедшего за последние полмесяца.

– Экий вы искусник речи, Ферапонт! Пятнадцать слов подряд, и все начинаются на букву «п».

– Как это вам удалось сосчитать? Пожалуй, я и повторить уже не смогу. – Глядя в пол, псаломщик сосредоточено произнёс: – Пыль, провинция, пожары, повальное пьянство полицейских...

Ардашев улыбнулся и поправил:

– Вы сказали: «пыль, провинция, покой погостный, процветает повальное пьянство, полицейский произвол, пожары – полный перечень произошедшего за последние полмесяца»...

– У вас незаурядное внимание и прекрасная память, Клим Пантелеевич.

– Не больше, чем у всех. Однако просьба: зовите меня просто Клим. Ведь мы, как я понимаю, ровесники.

– Извольте, – кивнул псаломщик.

Послышались шаги и в дверях показался Пантелей Архипович. В руках он держал графин с багрово-красной жидкостью и две рюмки; наполнив их и не обращая внимания на псаломщика, он изрёк:

– За твой приезд, сынок!

– И за ваш новый дом!

– За наш! Он ведь тебе достанется. Мы с матерью не вечны.

– Нет уж! Тогда выпьем за ваше с матушкой долголетие.

– А это будет второй тост, – усмехнулся Пантелей Архипович и опустошил рюмку. Его примеру последовал и Клим.

Промокнув губы носовым платком, отец вновь наполнил до краёв рюмки и осведомился:

– О чём же вы беседовали, пока меня не было?

– Ферапонт жаловался на безмятежность провинции. Скучно ему.

– Скучно? Так он же из дому не выходит! Всё книжки с библиотеки таскает и в беседке сидит. А как стемнеет, лампу зажигает. Так всю жизнь в псаломщиках и проходит.

– Это почему? – недоверчиво спросил Ферапонт.

– А потому что, сидя на печи, невесту не найдёшь! Девки, под твоим окном табунами не ходят. Одна надежда на Клим. Может, хоть он подыщет тебе какую-нибудь прелестницу. А то так и останешься бобылём.

В передней послышался женский голос.

– Никак Климушка приехал?

– Угадала, Глафира, угадала! – громко отозвался старший Ардашев. – Иди к нам, любимчик твой заявился!

В залу вошла женщина, уже разменявшая шестой десяток. Она всплеснула руками.

– Почитай год не виделась! Возмужали, настоящим барином стали!

Клим в обе щёки расцеловал горничную.

– Да какой я барин, тётя Глаша? Студент, да и только! И почему на «вы» ко мне обращаетесь?

– Отвыкла я, родной, отвыкла, – вытирая платочком слезу, вымолвила женщина. – А вы тоже хороши – тётей меня кличете. Мы же никакие не родственники.

– Не тётя ты ему, Глафира, а вторая мать. Помню, в семьдесят втором году, когда я в Ставропольском гарнизоне службу начинал, на Пасху в Казанском соборе, этот пятилетний сорванец выскочил к алтарю, стал рядом с архиереем, высунул язык и рожки показал прихожанам. Разве не собирался я его тогда высечь? А что ты сказала мне? – Горничная улыбнулась и, смолчав, опустила глаза. – Ударите малыша ремнём, барин, и до конца жизни жалеть будете, а у Климушки об этом случае воспоминание горькое останется. Простите его, Христом Богом прошу! А жалование моё за последний месяц себе оставьте. Считайте, что это мой недогляд.

А ежели всё-таки обидите мальчонку – уйду от вас... Я сдержался тогда, тебя послушал. Но весь город судачил, что у поручика Ардашева бесёнок в семье завёлся.

– Молодая тогда я была, Пантелей Архипович, да смелая.

– Как здоровье, тётя Глаша? – спросил Клим.

– Ничего, помаленьку, – женщина вытерла слезу. – Даст Господь, я и сынишку вашего понянчить успею али доченьку. Как за вами пострелёнком смотрела, так и за ними пригляжу.

– А я вам подарок привёз. Подождите, только вещи разберу.

Ардашев поднял чемодан и собрался уже выйти в другую комнату, но его остановил отец:

– Подарки потом. Глафира, помоги Олюшке на стол накрыть. Уж больно она долго на кухне возится. Мы без закуски с сыном скоро в «медведя»¹⁰ играть начнём, под стол свалимся и прослывём в глазах Ферапонта грешниками.

Горничная кивнула поспешно удалилась.

– Покаяния да молитва избавят вас от гиены огненной, и бесы лукавые отступят, – пролепетал выпускник семинарии и перекрестился.

Пантелей Архипович махнул рукой и сказал:

– Никакого сладу с ним нету. У него скоро, как у ангела небесного, крылышки на спине прорастут. Ну, давай, сынок, по новой... За тебя!

– За вас, батюшка! И за матушку!

– Не возражаю, – изрёк отец и, опустошив рюмку, спросил: – Как тебе кизиловая?

– Нектар.

– Вот и я так считаю, а отец Афанасий уверяет, что кислинки в ней многовато. А как кизилу быть без кислинки? Это ж не чихирь какой-нибудь, а настойка.

Пантелей Архипович откинулся на спинку стула и спросил:

– Так о чём вы с будущим диаконом беседовали, пока меня не было?

– Ферапонт жаловался на провинциальную глушь, полицейский произвол и повальное пьянство.

– А в некоторых местах и того хуже. Недавно в здешней газете писали, что Владикавказский полицмейстер получил назначение в Санкт-Петербург. По такому случаю он собрал коллег в ресторане. К концу вечера стражи порядка порядочно нафлаконились и передрались между собой. Хозяин заведения вызвал двух городских, чтобы они навели порядок. А те, увидев своих начальников с разбитыми физиями и пьяными вдрабадан, пожалы плечами и ушли. В Ставрополе, слава богу, до такого ещё не докатились. А что касается провинциальной глуши, то это, действительно, так. Уже одно то, что населённые пункты Ставропольской губернии и двух областей – Терской и Кубанской – разделены между собой громадными расстояниями, доходящими между городами до двухсот-трёхсот вёрст, заставляет население жить по преимуществу своею собственной жизнью, вне всякой зависимости от соседнего, иногда значительного по числу населения, пункта. Это же тебе не Англия, какая-нибудь, где всю страну от края до края можно за сутки на поезде пересечь. У нас – степные просторы, которым мы, к сожалению, никак ума не можем дать. Даже чугунку к городу никак не проложат. Нет ни спичечной фабрики, ни крахмального завода, а ведь по количеству потребляемых спичек, производимого хлеба и картофеля мы занимаем самое почётное место на Северном Кавказе. А знаешь почему в губернии полностью отсутствует промышленность?

– Капитала не хватает? – предположил Клим.

– Его-то, как раз-таки предостаточно. Рабочих рук нет. Им неоткуда взяться в крестьянской губернии. Свободный работник может появиться либо благодаря отхожим промыслам,

---

¹⁰ Игра в медведя – популярная в гарнизонах России. Офицеры, получив жалование, ставили на длинный стол бутылки с алкоголем, клали деньги и начинали пить. По команде старшего офицера «медведь идёт!» все разом залазили под стол, а по команде «медведь ушёл» – выбирались, но самый нетрезвый из присутствующих там и оставался. Так повторялось до тех пор, пока за столом сидел один человек. Он и получал все деньги.

либо из-за безземелья. Но у нас крестьянин начинает трудиться в поле с 15 марта, а заканчивает к 15 октября, а потом ещё и занимается обмолотом зерна. У него просто нет времени для работы на стороне даже за хорошие деньги. Землицы хватает всем. Безземельных крестьян нет, а значит, и некому податься в рабочие. Всё население губернии занимается земледелием и скотоводством, и потому благосостояние жителей целиком зависит от цен на хлеб, мясо, кожи и шерсть... Тишь, благодать, но Ставрополь похож на большую деревню. От того и скучно-с. Цирк шапито на ярмарках или паноптикум – самое желанное развлечение. Горожанину ещё можно сходить в библиотеку и театр. Есть у нас общественное собрание, есть и дворянское. Имеются трактиры, рюмочные рестораны.

– Вот я и говорю: одно лишь пьянство, нет ни картинной галереи, ни музея, – с грустью заметил псаломщик.

– Ну не скажи, Ферапонтушка, не скажи, – с сомнением качнул головой старший Ардашев. Тут вот в газетах написали, что на днях состоится выступление некоего мастера гипнотизма, возвратившегося из гастролей во Франции и имевшего там большой успех. Он вполне легко угадывает мысли людей. Некий господин Вельдман. Ясное дело – плут и шарлатан, но посмотреть на него надобно, хотя бы для того, чтобы понять, как мошенничает этот штукмейстер¹¹.

– Вельдман? – подняв брови, удивился Клим.

– Да, а что?

– Из Невинки я ехал в компании с вашим строителем Дубицким, какой-то барышней и господином Вельдманом, Осипом Ильичом. Вполне приятный в общении человек. На проходимца совсем не похож.

Старший Ардашев покряхтел недовольно, взял с комода газету и, протянув сыну, сказал:

– Дубицкий, понятное дело, жаден, как и все подрядчики, но я к нему привык. Он умеет слушать и главное – поддакивать. Никогда не спорит. Семьи у него нет. Не сложилось. Вот и приглашаю его к себе просто посидеть и попить чаю. – Отец улыбнулся и уточнил: – Но без настойки чай не пьётся. А что касается приезжего лукавца, то в правом нижнем углу второй страницы всё про него сказано. Прочти.

– «Мы получили из Владикавказа сведения о том, что 15 дня сего месяца в Ставрополь прибудет известный показами мантеизма¹² не только в России, но и за границей, особенно во Франции и Швейцарии господин О. И. Вельдман, который даст в помещении театра несколько сеансов угадывания чужих мыслей, а именно: 16, 17, 18, 19 и 20 июля. Им же будут демонстрироваться опыты гипнотизма, выражающиеся в форме анестезии, каталепсии, тетаноза (столбняка), различные иллюзии и галлюцинации чувств и постгипнотические явления. Здешней читающей публике приходилось немало видеть в столичных и тифлисских газетах всякого рода сообщений о подобных представлениях. Нет сомнения, что многие горожане пожелают воспользоваться впервые представившимся случаем увидеть это выступление в действительности», – зачитал Клим.

– А вот здесь, я с вами соглашусь, Пантелеймон Архипович, – выговорил Ферапонт. – Не может простой человек подменить собой Господа. Не может. Только Всевышнему известны мысли наши, как греховные, так и благие.

Хлопнув в ладоши, старший Ардашев рассмеялся и вымолвил:

– Вот тебе и раз! Агнец наш невинный бальзам на мою грешную душу пролил! За это надобно тяпнуть.

---

¹¹ Штукмейстер – (уст.) здесь в значении фокусник, человек, выделяющий всякие штуки, чтобы поразить воображение зрителей.

¹² От «мантика» – (греч.) искусство предсказания («Словотолкователь, и объяснитель иностранных слов, вошедших в русский язык», Москва, 1898 год).

– Погодите-те тяпать! Опьянеете раньше положенного, – выговорила хозяйка с подносом в руках. – Мы уже почти всё приготовили. Утка с яблоками будет чуть позже.

– Ладно, повременим, – пожал плечами старший Ардашев. – Сколько с тобой матушка живу, столько уста твои твердят одно – не напивайся! Значит, не пьяней. А теперь из твоей фразы «раньше положенного» следует, что всё-таки пьянеть можно, но в положенное время. Вот и ответь мне, голубушка: в котором часу это самое золотое времечко наступает?

– Отстань ты, баламут, – махнув рукой, с улыбкой вымолвила Ольга Ивановна и вышла на кухню.

– Между тем замечу, – продолжал Пантелей Архипович, – что ваш попутчик Вельдман не идёт ни в какое сравнение с Даниэлем Хьюмом, шотландцем, принявшим православие. Он скончался три года тому назад и похоронен по православному обряду в Париже. Так вот, этот самый Хьюм не только обладал даром ясновидения, но и запросто летал по небу на глазах десятков людей. Говорят, и наш покойный государь император Александр II тоже был свидетелем левитации, когда Хьюм, сидевший на стуле, вдруг оторвался от него на аршин, принял горизонтальное положение и вылетел в окно третьего этажа и потом снова влетел обратно. Но в отличие от Вельдмана он никогда не брал денег за демонстрацию своих изумительных способностей и слыл глубоко верующим человеком, не хуже нашего Ферапонта.

– Буду исключительно вам признателен, уважаемый Пантелеймон Архипович, если вы изволите не сравнивать меня с каким-то англичашкой, – пробубнил будущий диакон. – Не чета он мне.

– Во-первых, он шотландец, а во-вторых, он уже почил...

– А мне всё едино! У бесовского племени нет ни веры, ни национальности, ни памяти к нему быть не может.

– Так он же крещённый!

– И что? Был сначала нормальным человеком, его и крестили, а потом дьяволу душу продал.

– Пренесносный ты человек, Ферапонт, – покачал головой хозяин дома. – Несчастливая твоя жена будет. Мне её уже жалко. Ты же всех измучишь заповедями Христовыми. Сухарь ты, вот ты кто! И не гневи меня больше, а то я с горя ещё одну рюмку махну! Понял?

– Чего уж тут не понять? Вам лишь бы повод найти отравить себя новой порцией зелья... Лучше бы на охоту сходили, или рыбалку. От этого сон уллучиться, грудная жаба не будет беспокоить и сплин уйдёт. Не бережёте вы себя, Ваше высокоблагородие.

– Надо же, какие псалмы он запел! А? Точно матушке нашей вторит. Эх, чувствую, сынок, доведут меня эти блаженные до Успенского кладбища раньше времени и никакой бромистый калий от них не спасёт... Но давай оставим наших моралистов в стороне, потому как стол уже накрыт. Буйство чревоугодия! Адыгейский сыр пустил слезу, розовая ветчина с корнионами ждёт-не дожждётся наших вилок, паштет из куропаток пора намазывать на хлеб и заодно вкусить холодной телятины с хреном да колбаски домашней! Салат из свежих овощей приготовлен так, как я люблю – помидоры и огурцы нарезаны крупно, политы маслом, а чеснок с горьким перцем не забыты и обласканы крупной солью! Даже лимонад с мятой и лимоном! Блаженство рая! Прошу садиться.

Но не успели присутствующие заправить за ворот салфетки, как раздался звон дверного колокольчика.

– Принесла кого-то нелёгкая, – прокряхтел Пантелей Архипович и направился в переднюю. Вернувшись через минуту, он сказал:

– Мальчишка прибежал от отца Афанасия. На словах передал, что квартиранта нашего ждут в доме доктора Целипоткина. Срочно надобно отпевать несчастного Оскара Самуиловича, литию заупокойную служить... Ну да ты не расстраивайся, Ферапонтушка. Утка с печёными яблоками от тебя никуда не убежит, а к настойке ты равнодушен.

– «Не будь между упивающимися вином, между пресыщающимися мясом: потому что пьяница и пресыщающийся обеднеют, и сонливость оденет в рубище», – процитировал Библию псаломщик и с гордым видом направился к выходу.

– Отец, вы простите меня, но я составлю Ферапонту компанию, – поднимаясь, обмолвился Клим.

Пантелей Архипович в недоумении протёр глаза и застыл на месте.

Матушка, увидев сына в передней, осведомилась:

– Куда же ты, сынок?

– Я ненадолго. Хочу взглянуть на отпевание доктора. Получаса не пройдёт, как я вернусь.

Когда входная дверь хлопнула, старший Ардашев вздохнул и наполнил рюмку кизиловой настойкой.

Глава 4

Отменённые похороны

Клим остановил первый попавшийся фаэтон. Псаломщик, усаживаясь в коляску, проворчал:

– Извозчик денег стоит. Могли бы и пешком добраться. Под гору идти – не вверх карабкаться.

– Удивительно, что я не услышал от вас какой-нибудь библейской цитаты, – усмехнулся Ардашев. – Вы вообще бываете, когда-нибудь довольны? Погода прекрасная, птицы поют, лошадка добрая – чего ещё надобно?

– А вы, смотрю, не особенно отцовы деньги бережёте.

– В данном случае не отцовы, а мои.

– Эка завернули! Откуда же у вас свои, ежели вы студент?

– Даю частные уроки и делаю переводы для нотариуса с фарси и турецкого. Это помогает быстрее осваивать иностранные языки и неплохо зарабатывать. Если так дело пойдёт, то в следующем году, помощь от родителей мне не понадобится.

– Что ж, приятно слышать. Одного не пойму: зачем вы со мной пошли?

– Об этой трагедии я прочитал в «Северном Кавказе», когда ехал из Невинки. Такое происходит очень редко. Лампа упала на врача, когда он сидел за столом. Получается, его кресло находилось посередине комнаты?

– Многие так вешают люстры в рабочих кабинетах. У ректора нашей семинарии архимандрита Николая тоже лампа была не посередине. А вы сомневаетесь в том, что это несчастный случай?

– Теперь уж и не знаю. Ну раз уж поехал с вами, то мне осталось самолично во всём удостовериться.

Будущий диакон промолчал, но Ардашев уже и забыл о его существовании. Он любовался Ставрополем. В южной России все города похожи. Широкие, мощёные речным булыжником или известковыми плитами улицы, тополя-свечки вдоль дороги, одноэтажные домики мещан с резными ставнями и вдруг выросший среди них прыщом – особняк в три этажа, принадлежащий какому-нибудь купцу первой гильдии. А дальше снова одноэтажные домишки, смотрящие глазами на тротуар.

– Мы на месте, – провещал Ферапонт, когда коляска поравнялась с одноэтажным домом у открытых ворот.

Клим расплатился и зашагал за псаломщиком. Перед входом толпились люди. Прямо на двери висела табличка: «Доктор Целипоткин. Приём ежедневно с 9 до 12, кроме субботы и воскресенья».

Войдя внутрь, Ардашев увидел в большой зале священника, утешавшего даму лет тридцати в траурном платье. Она сидела у гроба, стоявшего на двух табуретах. Прощающихся было много, как обычно случается, если хоронят врача или учителя.

Запахло ладаном, и началась заукоянная лития. Усопший совсем не походил на покойника. Казалось, он заснул и вот-вот встанет. Внешность доктора если и изменилась, то очень незначительно. Это был тип мужчины красавца. Когда-то Ардашев его видел живым.

Ардашев огляделся. Двери в комнаты были открыты, и он без труда прошёл в кабинет, где, очевидно, и произошла трагедия. Об этом говорил металлический крюк посередине потолка. Новую люстру ещё не повесили, а старую убрали. И да – письменный стол располагался как раз посередине небольшого квадратного кабинета, три стены которого составляли

полки с книгами, а в четвёртой было затворённое окно. Маятник напольных часов, как всегда, тихо и уверенно отмерял ровные отрезки времени, будто ничего и не случилось.

Клим приблизился к столу и стал перебирать лежащие стопкой бумаги, затем подошёл к окну и, подняв вверх шпингалет, открыл его. Опустив вниз глаза, он мысленно выговорил: «Ничего необычного, если не считать...».

– Кто вы такой? И что вы тут делаете? – услышал он за спиной чей-то грозный голос.

Ардашев обернулся. Перед ним стоял незнакомец лет тридцати пяти или немногим более, с франтоватыми, закрученными колечками усами, но без бороды. Серебряная цепь часов свисала с правой стороны серой жилетки. Короткий чёрный сюртук, галстук, белая сорочка и кожаные туфли вместо штиблет выдавали в нём чиновника.

– Соблаговолите представиться, сударь, а уж потом задавать вопросы, – сухо ответил Клим.

– Помощник полицмейстера Владимир Алексеевич Залевский.

– Ардашев Клим Пантелеевич, студент Императорского Санкт-Петербургского университета.

– Прекрасно. Теперь, как я понимаю, вам ничто не мешает пояснить, что вы тут делаете.

– Извольте. Несколько часов назад по дороге из станицы Невинномысской в Ставрополь я прочёл в «Северном Кавказе» заметку о смерти доктора Целипоткина в результате несчастного случая. Меня смутило то, что смерть произошла по причине падения люстры на голову врача.

– Что же тут удивительного?

– Керосиновая лампа, находящаяся в центре люстры, обычно вешается посередине комнаты, но тогда и кресло покойного должно располагаться под ней.

– Как видите, всё именно так и есть.

– На самом деле всё было иначе.

– И как же? Вижу вы возомнили себя великим сыщиком из бульварных романов Ксавье де Монтепена, – насмешливым тоном произнёс полицейский.

– А это как вам будет угодно, сударь, – без тени смущения парировал Ардашев. – Однако смею вас уверить, что доктор Целипоткин был убит в результате удара по голове каким-то другим предметом. После чего убийца забрался на стол, расцепил кольцо и, сняв люстру, бросил её на голову уже мёртвого человека.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно.

– У вас есть доказательства?

Ардашев протянул лист почтовой бумаги, взятый со стола.

– Что это?

– Отпечаток правой туфли злодея. Он оставил его, когда забрался на стол. Как видите, след не полный, примерно, на половину, но мы видим, что это обувь с узким носком – английский фасон; он сегодня в моде – и с характерным рисунком подошвы в виде ромбов. Она совсем новая и ещё не успела потерять магазинный вид. Крестьяне, рабочие и военные такую обувь не носят.

Полицейский поднёс бумагу к свету, точно проверяя поддельную купюру, затем кивнул и сказал:

– А что, если сам доктор забирался на стул?

– Это легко проверить, сравнив отпечаток и форму носа его правой туфли.

– Я мог бы допустить эту гипотезу, пусть даже с большими натяжками, но мой следующий вопрос сведёт на нет все ваши предположения в рассуждении выдуманного вами убийства: если дом был заперт изнутри, шпингалеты на окнах были так же закрыты, как и люк на чердак, как же тогда преступник отсюда выбрался?

– Через окно – прямо в сад, а уж оттуда через заднюю калитку на соседнюю улицу.

– И как же ему это удалось?

– Без всякого труда. Рама одностворчатая, поэтому нижнюю часть каждого бронзового шпингалета убийца слегка залепил воском, вылез наружу и закрыл окна. Когда солнце нагрело воск, он расплавился, и тяжёлые нижние стержни шпингалетов легко опустились в скобы. Верхние шпингалеты были опущены, но на них, вероятно, никто не обратил внимания, так как они не играли роли. Все смотрели на нижние. Вы можете сами в этом легко убедиться. В двух скобах имеются остатки пчелиного воска.

Улыбка исчезла с лица Залевского. Он взял со стола доктора лупу и принялся рассматривать скобы и низ шпингалетов. Затем достал из кармана спичечную коробку, высыпал спички в карман и одной из них выковырял кусок воска, который и отправил в пустую коробку. Помощник полицмейстера поднял глаза на студента и заметил:

– Вы чертовски наблюдательны, молодой человек. Однако всё зависит от вдовы и горничной. Если они подтвердят, что никто не смазывал воском шпингалеты, то в таком случае, ваша гипотеза заслужит более пристального внимания. Что ж, пойду-ка я у них спрошу, хоть сейчас и не самое подходящее для этого время, – изрёк полицейский и покинул комнату.

Клим листал «Журнал приёма пациентов» и принялся переносить записи фамилий недельной давности карандашом на чистый лист, взятый со стола. Судя по датам, покойный, если и принимал кого-то в день своей гибели 12 июля, то фамилии этих людей не указал. Оставалось лишь надеяться, что убийца мог быть из числа предыдущих пациентов. «Надежда слабая, но всё же лучше, чем ничего», – мысленно рассудил Ардашев, пряча лист в карман. Неожиданно его внимание привлекла тонкая, не толще спички, чёрная металлическая трубочка длиною не больше ногтя мизинца, лежащая на блокноте-ежедневнике. Сам не зная почему, он сунул её в карман и открыл записи на среде – 12 июля. На листе карандашом была изображена лилия. Тут же стояло число 10, подчёркнутое дважды и обведённое кружком. «Что бы это значило? – разглядывая рисунок, задумался студент.

Послышались шаги, и возник Залевский.

– А вы ещё здесь? – удивился он.

– Вас дожидался.

– И правильно. Ваша гипотеза имеет право на жизнь, но это ни в коей мере не подтверждает, что доктор был убит.

– Да?

– А вот представьте себе.

– Тогда позвольте узнать, каков был характер ранения, повлекшего смерть?

– Что значит «каков»? – Полицейский в недоумении поднял брови. – Проникающее ранение в теменную часть головы острым предметом. Примерно так было указано в протоколе осмотра трупа, составленного нашим единственным на весь город казённым эскулапом.

– Выходит, керосиновая лампа, то есть люстра, сначала разбилась и только потом, в результате разрыва кольца, острой частью ударила Целипоткина?

Полицейский окинул Ардашева недоверчивым взглядом и спросил:

– Что вы хотите этим сказать?

– Дело в том, что я не встречал люстр с шипом, приделанным к дну керосиновой лампы. Я даже представить себе не могу подобной. Да и кто купит такую? Стало быть, лампа в результате разрушения сначала обрела опасную форму, а уж потом рухнула вниз, так? Это возможно только при взрыве, но в газетной заметке о взрыве не было ни слова.

– Нет, взрыва не было, потому что резервуар был полон. К тому же, врач утверждает, что Целипоткин погиб днём, и, следовательно, лампу никто не зажигал. Откровенно говоря, саму люстру я не видел. Но это поправимо. Надеюсь, её ещё не выбросили. Думаю, вдова не откажет в осмотре. Знаете, я тоже был пациентом Оскара Самуиловича, потому, собственно, и пришёл с ним проститься.

Полицейский оказался прав. Люстра покоилась в каретном сарае на куче соломы. В ней не было ничего особенного. Абажур из фаянса, теперь уже разбитый, с отверстием посередине для колпака керосиновой лампы был её главным украшением. Железный, увитый металлическим узором, сосуд для керосина образовывал конус. Сам резервуар крепился к трём витым бронзовым стойкам, держащим не только его, но и абажур. Фигурная цепь имела одно раскрытое звено.

Ардашев склонился над предполагаемой «убийцей» и заметил:

– Лампа мощная, семилинейная, дорогая.

– Как видите, никакого шипа у неё нет, но резервуар лампы конусообразный к низу. Он-то и нанёс удар по голове несчастного доктора.

– Если бы это было так, то на корпусе лампы должна была остаться кровь. А её здесь нет. Этот факт является ещё одним подтверждением того, что люстра не может быть орудием убийства.

– Это ни о чём не говорит, – пожал плечами чиновник. – Возможно, крови было немного. К тому же, её могли стереть или смыть.

– Обратите внимание: краска на разжатом кольце поцарапана. Мне кажется, здесь не обошлось без помощи плоскогубцев.

– Позвольте узнать, уж не на юридическом ли факультете вы обучаетесь?

– Да, я учился там, но потом перевёлся на факультет восточных языков.

– То-то я смотрю уж больно вы грамотно рассуждаете, сударь, – восторженно выговорил Залевский.

– Я совершенно уверен в том, что высота, на которой висела люстра была недостаточна, чтобы убить сидящего в кресле доктора, потому что это керосиновая лампа, а не электрическая, которая вешается ближе к потолку, дабы освещать всё помещение, а не только письменный стол.

– Электрическая? Это та, что горит от тока?

– Да.

Полицейский, махнув рукой, заметил:

– У города нет денег на подобные новшества... Но я не пойму, чего вы от меня добиваетесь?

– Надобно возбудить уголовное дело по факту умышленного смертоубийства врача частной практики Целипоткина.

– Но это решительно невозможно! Ведь в таком случае, я должен немедленно остановить похороны, подать рапорт и вернуть тело в морг для повторного осмотра и фотографирования смертельной раны.

– Если тело будет погребено, то позже судебный следователь будет вынужден вынести постановление о вырытии трупа¹³.

– Вы представляете, какой это тяжкий моральный удар для семьи покойного?

– А вы собираетесь скрыть улики?

– Ого! Вы мне уже и угрожаете? Весьма приткий молодой человек. Далеко пойдёте! – Залевский помолчал и, подкрутив левый ус, проронил: – Что ж, будь по-вашему, но знайте – вы будете допрошены в качестве свидетеля и потому на время следствия я запрещаю вам отлучаться из города. Ясно?

– Запрещать или разрешать мне выезд, а также допрашивать, имеет право исключительно судебный следователь, да то лишь после соответствующего вызова повесткой в свою камеру¹⁴. А помочь вам, уважаемый Владимир Алексеевич, я всегда готов и без угроз. Вы позволите

---

¹³ Слово «эксгумация» в профессиональной речи судебных следователей и полицейских в те времена не употреблялось.

¹⁴ Так назывались: кабинет следователя, полицейского, зал судебных заседаний и камера заключённого.

справляться у вас о ходе следствия? Вдруг мысль меня какая осенит, так я сразу вам её донесу. А вы уж там сами решите – дельная она или ошибочная.

– Обращайтесь, – подкрутив правый ус, великодушно согласился полицейский.

– Пожалуй, пойду. Я ведь с дороги. Ещё и за стол не садился, решил псаломщика проводить, который у нас квартирует. Не думал, что придётся столкнуться с убийством.

– Пренеприятнейшая, скажу вам, миссия мне предстоит. Вдова и так вне себя от горя, а тут ещё и похороны мужа отменяются, – вздохнув, проронил полицейский.

– Прекрасно вас понимаю. Честь имею кланяться, Владимир Алексеевич.

– Честь имею, Клим Пантелеевич, честь имею, – уже по-доброму выговорил чиновник.

Клим зашагал вслед за Залевским. Он видел, как помощник полицмейстера отвёл в сторону плачущую у гроба вдову и принялся что-то ей нашептывать. Убитая горем женщина кивала и вдруг разрыдалась в голос. Родственники и знакомые обступили её и Залевского. И последнему пришлось прилюдно объяснять окружающим, почему похороны отменяются. Отец Афанасий и псаломщик стояли тут же и слушали. Ардашев, оказавшись за спиной будущего диакона, тихо проронил:

– Предлагаю вернуться к столу. Надеюсь, вы не забыли, что нас ждёт утка с яблоками.

Тирада Ардашева донеслась и до ушей отца Афанасия. Обернувшись, он изрёк:

– Ферапонт, вы свободны. Что ж поделаешь, если выяснилось, что покойного сдушегубили.

Псаломщик молча поклонился.

Священник тут же перевёл взгляд на Ардашева и шагнул к нему. Студент совершил поясной поклон, испросив благословения.

Осенив Клима крестным знамением, батюшка произнёс:

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Смиренно склонив голову, Клим коснулся губами руки священнослужителя.

– Что же ты, сын мой, сразу не подошёл, не поздоровался. Аль забыл меня?

– Так ведь вы с вдовой общались, а потом началась заупокойная служба, а её не прерывают. Именно сейчас и намеревался засвидетельствовать своё почтение Вашему преподобию.

– Ох, и хитёр, – лукаво усмехнулся священник. – Весь в отца. Ладно, идите. А то ваша утка совсем остынет.

В передней Ардашев столкнулся с Дубицким. Увидев Клима, тот удивился:

– И вы здесь? Вы разве были знакомы с господином Целипоткиным.

– Нет, но пришлось наведаться.

– И кто мог предположить, что доктора убили? – покачав головой, грустно выговорил купец и добавил: – Пантелею Архиповичу от меня передавайте привет.

– Благодарю вас, Павел Петрович, обязательно передам.

Оказавшись на улице Ферапонт спросил недовольным голосом:

– Уж не вы ли остановили литию?

– С чего вы взяли? – доставая кожаный портсигар, осведомился Клим.

– Видел, как вы шушукались с полицейским в кабинете. А после этого Залевский что-то сказал вдове и вышел с вами во двор. Вы вернулись вместе, и он тут же заявил об убийстве и необходимости нового осмотра трупа.

– А вы наблюдательны. – Ардашев закурил любимые «Скобелевские» и с наслаждением выпустил дым. – Всё верно. Я нашёл воск, которым преступник залепил шпингалеты, выбравшись через окно. Потом, под действием солнечных лучей воск расплавился, и шпингалеты захлопнулись. Кроме того, он оставил отпечаток обуви на листе, лежавшим на столе.

– Получается, злоумышленник нанёс удар врачу каким-то предметом, потом усадил его в кресло, забрался на стол и, расцепив кольцо, бросил люстру ему на голову? – отмахиваясь от дыма, выговорил псаломщик.

– Абсолютно верно.

– Одного не пойму, почему он не вышел через дверь?

Провожая взглядом проезжающий мимо экипаж с милой дамой, Ардашев ответил:

– Убийца замкнул изнутри дверь и вылез через окно, не забыв его затворить, чтобы создать иллюзию замкнутого помещения. Ведь не особенно внимательному человеку, могло показаться, что в закрытом изнутри доме произошёл несчастный случай.

– А когда вы заподозрили неладное?

– Первый раз – сегодня утром, когда прочитал заметку в «Северном Кавказе». Об этом я вам уже говорил.

– А второй?

– Несколько минут назад, когда при входе увидел табличку.

– Это какую же?

Показав на входную дверь, Ардашев прочёл:

– «Доктор Целипоткин. Приём ежедневно с 9 до 12, кроме субботы и воскресенья». Я подумал, что очень странно держать дверь запертой в часы приёма.

– Так ведь он мог находиться за столом, а без четверти восемь на него упала люстра.

– Теоретически такое могло произойти, – кивнул Клим. – Только вероятность очень мала. К тому же, в его блокноте-ежедневнике на 12 июля – дате убийства – довольно искусно нарисована лилия и дважды подчёркнута и обведена кружком число 10. Полагаю, что Целипоткин, ожидая приёма, от нечего делать рисовал цветок. Это был неосознанный рисунок. Он думал о чём-то приятном, находился в расслабленном состоянии, а потом вдруг взглянул на часы, стоящие напротив, и написал число 10. Скорее всего, на это время у него была назначена важная встреча.

– Да откуда вам знать, важная она или нет? – выпалил псаломщик и раздражённо вскинул голову.

– Число 10 дважды подчёркнуто решительной рукой, а потом ещё и обведено кружком. Но в одном вы правы. Он мог не открывать дверь первому пациенту, ожидая трели входного колокольчика. Горничной же не было. И встречать пациента он должен был самолично, – выговорил Ардашев, докурив папиросу.

– Согласитесь, что воск и лист бумаги с отпечатком обуви, – слабые доказательства того, что Целипоткин был убит, – чуть дрогнувшим голосом высказался Феррапонт.

– Не соглашусь. И вот почему: во-первых, вдова и горничная никогда не обмазывали воском шпингалеты; во-вторых, если даже представить, что на стол забирался сам доктор, то вряд ли бы он оставил на столе испачканный обувью лист бумаги, ожидая пациентов. Скорее всего, он выбросил бы его в плетённую канцелярскую корзину, стоявшую в углу кабинета, но он этого не сделал; в-третьих, след достаточно чёткий. По нему вполне возможно определить рисунок подошвы. Правда не видны сапожные гвозди, нет и каблука. Там лишь отпечаток половины правой туфли. Он позволяет утверждать, что это английский фасон, и что обувь совсем новая. Однако полиция может легко проверить, принадлежит ли отпечаток покойному или его убийце. Слава Богу, Целипоткина ещё не похоронили, и вся его обувь цела. Конечно, хорошо было бы изучить следы под окном кабинета, откуда выбрался преступник и сравнить их с тем, что остался на бумаге. Это позволило бы не только удостовериться в правильности моего предположения, но и вычислить рост убийцы, особенности его походки и даже возраст. Но адская жара, высушившая землю, и топтание под окном горничной вместе с полицейским свели на нет подобные возможности.

– И это все ваши улики?

– Есть самая главная: люстра висит слишком низко, чтобы при падении пробить теменную часть головы покойного. Сорвавшись, она бы лишь поранила его, но не лишила бы жизни. Надеюсь, полиция наконец-таки проведёт следственный эксперимент и подтвердит мою гипотезу.

тезу... Ох и заболтались мы, отец Ферапонт! Батюшка осерчает, а свободной коляски до сих пор нет.

– Попрошу вас не величать меня подобным образом, пока я не рукоположен в диаконы, – нервно передёрнув плечами, заявил псаломщик.

– Да бросьте вы ерепениться, – улыбнулся Клиим. – Я ведь по-дружески сказал и совсем не хотел вас обидеть... Нам повезло. Свободный извозчик! Едем!

– Нет, я пешком.

– Отчего же?

– Теперь мой черёд платить, а мне нечем. Так что я дойду.

– Ферапонт, прошу вас, не упрямитесь. Родители давно заждались.

– Вот и поезжайте, а меня никто не ждёт, – махнул рукой псаломщик и торопливо зашагал вверх по улице, будто уходя от преследования.

Ардашев нанял фаэтон и велел вознице пустить лошадь шагом. Когда она поравнялась с Ферапонтом, Клиим прокричал:

– Ваше упрямство приведёт к тому, что вы не узнаете самого главного вопроса, на который нужно найти ответ. Иначе нам не разгадать тайну убийства доктора.

Псаломщик замер и, повернувшись, к экипажу спросил:

– Вы сказали «нам»? Значит ли это, что мы теперь вместе будем расследовать это преступление?

– Безусловно, Ферапонт, безусловно! Садитесь.

Недавний семинарист лихо запрыгнул в коляску, и пегая лошадка потрусила вверх по Александровской.

– Итак, каков же этот главный вопрос? – спросил Ферапонт.

Ардашев улыбнулся.

– Нам предстоит узнать, кого доктор ждал к десяти часам.

– Да-да, конечно, – задумчиво проронил псаломщик, глядя туда, где кроны тополей встречались с облаками.

Глава 5

Дела сегодняшние и минувшие

I

Слегка полноватый, пятидесятичетырёхлетний начальник полицейского управления Ставрополя Антон Антонович Фиалковский, расстегнув ворот форменного мундира, подошёл к распахнутому окну, пытаясь поймать лёгкое дуновение ветерка, едва колыхавшего сдвинутые гармошкой занавески. Солнце палило нещадно, и от его лучей, кажется, закипали чернила в письменном малахитовом приборе, украшавшим стол из орехового дерева, и даже на уже сидящих усах бывшего полкового командира, словно утренняя роса, выступили капельки пота. Он вынул ситцевый, квадратами отглаженный платок и, промокнув усы, вновь убрал его в карман.

Одноэтажное здание выходило окнами на Полицейский переулок и располагалось рядом с пожарным депо и каланчой для наблюдения за городом. Команда огнеборцев тоже подчинялась полицмейстеру. Забот у полковника хватало: обнародование указов, законов и манифестов, наблюдение за порядком, присмотр за благоустройством, объявление, а потом и исполнение судебных решений, принятие чрезвычайных мер к исполнению законов, рассмотрение жалоб частных лиц, театральная цензура и цензура печати, а с весны прошлого года, согласно постановлению городской думы, была образована ещё и торговая полиция, следящая за исполнением правил торговли на базарах, чистотой помещений, поверкой мер и весов. В состав управления входил и тюремный замок. Но главной задачей полиции являлись полицейский надзор за обывателями и розыск преступников, что автоматически включало в себя проведение первоначального дознания и сопровождение предварительного расследования, которое теперь вели судебные следователи окружного суда. Только вот у полиции Ставрополя штат был до обидного мал: полицмейстер, его помощник, секретарь и четыре пристава (по числу частей, разделявших город), а также их помощники, полицейские надзиратели и десять городских. И что с того, что в управлении имелось шесть столов¹⁵ (секретарский, уголовный, вексельный, денежный, распорядительный и гражданский)? Людей всё равно не хватало. А те, что служили, хоть и были обучены грамоте, но специальных знаний для производства сыска не имели. Да что там говорить, в Ставрополе не было даже телефонной линии, а телеграф, соединявший губернский центр не только с Тифлисом, Москвой, Западной Европой и Азией, но и со своими родными уездами, «хозяйственные» крестьяне то и дело выводили из строя, снимая со столбов провода и разбивая из озорства, фарфоровые изоляторы. По этой причине было невозможно связаться не то что с Парижем и Константинополем, но и с полицией уездов. А для того чтобы передать нужные сведения уездным исправникам, приходилось посылать нарочных. А быстро ли экипаж преодолеет сто вёрст, отделяющих, к примеру, Ставрополь от Медвежьего¹⁶, останавливаясь на каждой станции Черкасского тракта? За это время любой абротник¹⁷ не только успеет перегнать по балкам и рошицам угнанный табун чистокровных лошадей в укромное место, но и распродать его.

Антон Антонович потянулся к подаренному недавно дубовому резному ящичку, достал сигару и, чиркнув спичкой об ажурную бронзовую спичечницу, прикурил. Он глотнул дым,

---

¹⁵ Стол – (уст.) отдел в учреждении.

¹⁶ Уезд в Ставропольской губернии.

¹⁷ Абротник – (жарг., уст.) конокрад.

рассматривая регалию. Впрочем, в прямом смысле «регалией»¹⁸ эту сигару назвать было нельзя, потому что она была свёрнута из листьев табака, выращенного на здешних плантациях купцов Алафузовых, а не в кубинской провинции. Потому и ящичек был склеен из дуба, а не красного дерева. Негоциант заказал семена табака сорта «виргинский» из Америки, а «султанский» из Турции, и они прекрасно прижились на ставропольской земле. Коммерсанты Зозулевский, Малютин и Гороховцев открыли в городе табачные производства, а сигары изготовленные на фабрике Константина Стасенкова за высокое качество были удостоены Большой бронзовой медали на Парижской Всемирной выставке. Но и табак братьев Алафузовых ничем им не уступал. Умные греки с острова Санторини – потомки Ивана Антоновича Алафузова – умели найти тропинку к сердцу любого чиновника, преподнося то сигары, то бочонок пива «Алафузовское». В этом году один из них – Василий Алафузов – купил винокуренный завод купца Месинева и начал варить собственное пиво.

Дымя сигарой, полицмейстер уселся за стол. Почитай, восемь лет тому назад его, тогдашнего отставного майора, назначили в Ставрополь на эту должность. В те года, а в 1881 особенно, среди городской черни преобладали антиеврейские настроения. Иудеев винили во всём: в неурожаях и засухе, эпидемиях и нашествиях саранчи. Появились слухи о возможных погромах и беспорядках на ярмарке и скачках, проходящих в дни Святой Троицы. Пришлось составить прошение тогдашнему губернатору о дополнительном выделении войскового наряда. По мнению бывшего военного требовалось, по меньшей мере, две роты солдат для нахождения на ипподроме и три роты для патрулирования городских улиц и на ярмарку.

Начальник губернии Карл Львович Зиссерман – потомственный российский дворянин и немец по происхождению – просьбу полицмейстера удовлетворил и, в свою очередь, ходатайствовал перед командующим девятнадцатой пехотной дивизии о предоставлении четырёх рот вместе с нижними чинами и офицерами. В случае возникновения беспорядков к полицмейстеру тотчас должен быть послан один из конных казаков, прикрепленных к частным приставам, отвечающим за разные части города. Получалось, что приказ о начале и способе подавления беспорядков мог быть отдан лишь полицмейстером и только после прибытия на место. Следственно, и вся ответственность за возможные превышения полномочий лежала исключительно на Фиалковском. Помнится, перенервничал он тогда и табаку скурил немало, но губернатор здорово выручил, издав собственное предписание обязательное для выполнения не только полковыми офицерами, но и полицмейстером, сняв, тем самым, полную ответственность с Фиалковского. Лист с теми указаниями он хранил в столе по сей день. Антон Антонович вынул его и взгляд выхватил строчки, выведенные письмоводителем: «При образовании скопления народа с преобладанием особо пьяных лиц, предложить толпе разойтись. В случае неповиновения, надобно оцепить толпу без применения насилия и послать конного казака с донесением к полицмейстеру. До прибытия на место полицейского начальника держать толпу в оцеплении... Войска должны всемерно стараться, по приглашению полиции разъединять толпу, или, оцепив её строем, не допускать переходить за другие местности и скопляться в большую массу ни под каким видом не пуская в ход оружия, употребление коего может последовать не иначе, как по моему личному приказанию». Слава Господу, всё тогда обошлось, и зачинщики беспорядков задерживались патрулями раньше, чем им удавалось прокричать в толпе призыв к насилию.

До нынешнего дня в городе царили тишина и спокойствие. Нет, преступлений меньше не стало, но большинство из них совершалось на бытовой почве, и виновные находились в тот же день и так деятельно раскаивались, что судебные следователи не успевали макать перо в чернильницу, протоколируя чистосердечные признания, облегчающие душу, но увеличивающие срок. Местные воры и мошенники были наперечёт, а иногородние гастролёры сразу же

---

¹⁸ Регалия – особый сорт дорогих сигар, популярный у состоятельных людей в XIX веке.

бросались в глаза и потому едва развернув своё преступное ремесло, тотчас убывали в тюремный замок на Чёрной Марии¹⁹. А сегодня пришла дурная весть. Выяснилось, что частнопрактикующий врач Целипоткин, давно принявший православие, ушёл в мир иной не по прихоти несчастного случая, а был убит в результате нанесения удара острым предметом в теменную область головы. Пришлось остановить похороны и вернуть тело в городской морг.

Послышался стук в дверь и на пороге, появился Залевский. В руках он держал коленкорую папку с тесёмками.

– Заходите, Владимир Алексеевич, – вымолвил глава городской полиции и указал на стул. – Докладывайте.

Усаживаясь, тот пояснил:

– Повторное медицинское исследование подтвердило догадку Ардашева. Кроме того, вместе с судебным следователем II участка мы провели следственный эксперимент, и выяснился прелюбопытнейший факт: для того чтобы лампа попала аккурат в пораненное место головы доктора, он должен был лежать на столе, а не сидеть. Такова траектория её падения. Но даже, если и представить, что сие возможно, то из-за небольшой высоты, убить его она бы не смогла. В самом тяжёлом случае Целипоткин получил бы сотрясение мозга. Так считает городской врач.

– А чего же наш эскулап раньше этого не заметил? – раздражённо осведомился начальник полиции, положив тлеющую сигару на край пепельницы.

– Полицейский надзиратель, прибывший на место из рук вон плохо провёл осмотр места происшествия, а врач, составляя протокол осмотра трупа, уже следовал его гипотезе. Другого объяснения у меня нет.

– Разрешение на погребение Целипоткина вы подписывали?

– Так точно.

– И не сочли нужным самолично удостовериться в том, что случилось?

– Виноват, Ваше высокоблагородие, – вставая проронил коллежский асессор.

– Да сидите уж! – махнув рукой, выговорил полицмейстер, и Залевский послушно опустился на стул.

Полковник нервными шагами заходил по комнате. Помощник следовал за ним взглядом, со скрипом поворачиваясь на стуле и сжимая в руках папку. Наконец, начальник остановился, взял сигару из пепельницы и, выпустив колечко дыма, спросил:

– Откуда взялся этот Ардашев?

– Он студент Императорского университета. Учился на правоведа, но потом перевёлся на факультет восточных языков. Сын гласного думы Пантелея Ардашева.

– Ах да, в самом деле. А я что-то сразу и не подумал, что это его отпрыск... Надо признать, парень не глуп и внимателен, раз лист с отпечатком обуви обнаружил. Вы передали эту улику судебному следователю?

– Так точно.

– И что же собирается предпринять господин Славин?

– Он поручил нам проверить весь список пациентов покойного и выяснить, не был ли кто у доктора повторно в день убийства.

– Сколько же там фамилий? – вытащив изо рта сигару, проговорил Фиалковский и водрузился в кресло.

– Сто шесть...

– Хорошенькое дело.

– Если из списка вычесть детей и женщин, останется человек сорок. Судебный следователь подгоняет нас. Трёх полицейских придётся задействовать.

---

¹⁹ Тюремная карета (жарг.).

– Славин такой. Всех заставляет спешить, только сам не торопится... Послушайте, а разве дамочка не могла шандарахнуть доктора по голове, например, кочергой или молотком?

– Могла, конечно. Но след на бумажном листе от мужской туфли.

– Да-да, я совсем забыл об этом, – кивнул полицмейстер.

– К тому же, отпечаток указывает на то, что он не мог быть оставлен покойным, поскольку тот носил другой фасон. Мы это уже установили.

– Это правильно. А соседей Целипоткина опросили?

– Ещё вчера. Дворник припомнил, что к нему приходил какой-то человек, но он даже не смог толком описать его рост и комплекцию.

– Ладно. – Фиалковский махнул рукой. – Пусть болит голова у Славина. Это теперь его работа. Наше дело – точно выполнять поручения судебного следователя и не опростоволосья... Что там у нас за сутки стряслось?

Залевский развязал папку и, перебирая бумаги, доложил:

– Вчера на кухне дома Зозулевских, на Николаевском, найден труп переплётчика Трофима Филиппова. Повесился. Оставил покаянное письмо. Если помните, месяца два назад он взял у часовщика часы, обещал купить, но продал и пропил. Наш доблестный судебный следователь Славин вменил ему кражу, хоть тот потом деньги и вернул. Следствие уже шло к концу, и дело должны были передать в суд. Ему грозило лишение пенсии и тюрьма.

– А какая у него была пенсия?

– Семь рублей в месяц.

– Не особенно разгуляешься.

– Старик выпивал. Перебивался переплётным ремеслом и подачками от безграмотных крестьян, коих он сопровождал к нотариусу и за них расписывался.

– А что в записке?

– Написал, что «лучше умереть, чем позорить на суде свою седую голову и взрослого сына».

– Жаль его. Безвредный был человечиска. Шестьдесят с небольшим ему, если я не ошибаюсь.

– Да, шестьдесят четыре... Его весь Ставрополь знал. Местные ремесленники звали его «кумом», а молодёжь угощала водкой, слушая истории о загадках нашей цивилизации, которые он мог рассказывать часами. Говорят, он успевал не только переплести книгу, но и прочитать её за сутки, независимо от количества страниц.

– А где служит сын покойного?

– В управлении кочевыми инородцами, губернский секретарь.

– Понятно... Что ещё?

– Директор театра принёс список пьес на новый сезон. Намечается сто десять представлений. Все постановки известны и уже шли не только в столице, но и в Москве. Я выдал ему разрешение.

– Опереток много?

– Примерно треть.

– А что вы можете сказать про отгадывателя мыслей? Откуда он к нам пожаловал?

– Приехал из Владикавказа, но перед этим был во Франции. Фамилия Вельдман. Выкрест, а всемирную известность получил. Вроде бы и по заграницам гастролирует. Говорят, с самим писателем Толстым знается. Предсказал ему, что тот доживёт до глубокой старости, но будет отлучён от церкви.

– Вздор!

– И я так считаю. Где это видано, чтобы автора «Войны и мира» анафеме предали! Но афиши пристойные. Дозволил расклеить везде, кроме Александрийской. Нечего им висеть у Присутственных мест. А вот на рынках, базарах и афишных тумбах – сколько угодно. Владыка

Владимир хотел было notiцию²⁰ нам отписать о недопустимости выступления в городе «бесовского шарлатана», как приносящего вред не только духовному, но и физическому здоровью мирян, но потом передумал.

– А что так?

– Предводитель дворянства попросил его отказаться от этой затеи.

– Отчего же?

– Дочь генерала страдает сонной болезнью²¹. Она иногда засыпает на трое суток, и пульс почти не чувствуется. Никакие микстуры не помогают. Её наблюдал покойный доктор Целипоткин. Он прознал откуда-то о гипнотических способностях Вельдмана и его скором приезде из Владикавказа в Ставрополь. Целипоткин тогда и предложил Его превосходительству погрузить её в глубокий гипноз, а сделать это может только Вельдман. Для того, чтобы потрафить владыке, я обязал городского врача присутствовать на сеансе.

– Умнó! – Полицмейстер пожевал губами, расправил усы и сказал: – Просьбица у меня к вам будет, Владимир Алексеевич, устройте-ка, мне на его сегодняшнее выступление ложу. Уж больно супружница моя желает туда попасть. А я тем временем, в дворянском собрании в алягер²² развлекусь. Не по мне эти заезжие факиры. Ну их к бесу!

– Сделаю, не беспокойтесь.

– Я вот что думаю: вы этого Ардашева от себя далеко не отпускайте. Умный малый. Пусть участвует в расследовании, хотя бы косвенно.

– Славину это не понравится.

– А вы и не говорите ему. Он всё равно должен будет допросить студента как свидетеля. Вот и пусть шлёт ему повестку. А вы можете вызвать Ардашева в качестве понятого. Делитесь с ним сведениями, приобщайте к расследованию, встречайтесь. Авось, и натолкнёт нас на полезную мысль. Они там, знаете ли, в этих университетах, – он поднял вверх указательный палец, – много всего таковского изучают, что нам и не снилось.

– Так и поступим.

– А что ещё у вас?

Коллежский асессор зашелестел бумагами и принялся читать:

– Дрогаль²³ № 11 Василий Брюханов при перевозке вещей, часть их украл, и я подготовил постановление от вашего имени о воспреещении ему осуществлять подобный промысел навсегда. Также имеется ваше постановление о запрещении извозчику № 57 Василию Мартынову заниматься извозом в течении трёх суток за пьянство. И третье постановление вынесено в отношении мещанина Антона Михайлова, уличённого в перекупке помидоров на Нижнем базаре. Считаю, что следует его оштрафовать на пятнадцать рублей, а не сажать под арест на трое суток. Камер свободных и без того не хватает. Также по дороге на Ташлу обнаружен труп старика шестидесяти лет. Возле него лежали две четверти с денатуратом. Одна была открыта, другая – разбита. Как показало вскрытие, причина смерти – отравление. И последнее: мясоторговец Михаил Строганов забил не в указанное время на бойне десять овец и увёз их неосмотренными и неклеймёными. Предлагаю наложить на него штраф в пятьдесят рублей вместо двухнедельного тюремного заключения.

– Согласен. Давайте, Владимир Алексеевич, бумаги. Я их подпишу. А что там насчёт волков? Монахини Мариинского монастыря боятся через лес ходить.

– Третьего дня охотники облаву провели. Семь особей застрелили. Четыре самца и три самки. Один волк почти на два пуда потянул. Видать, вожак.

---

²⁰ Notiция – (уст.) официальное уведомление, сообщение.

²¹ Летаргия.

²² Алягер – (от “à la guette”, франц.) бильярдная игра в два шара (красный и белый). Число игроков произвольное.

²³ Дрогаль – ломовой (перевозящий грузы) извозчик.

– Облавы надобно на них почаще устраивать. А то они, злодеи, уже всех диких коз в округе порезали. Скоро на козочку и не поохотишься. Одни зайцы да лисы останутся, – проронил полицмейстер, скрепя стальным пером.

Закончив ставить подписи, Фиалковский промокнул бумаги пресс-папье и передал их помощнику.

– Разрешите идти?

– Да, вы свободны, но о деле по смертоубийству Целипоткина прошу докладывать ежедневно, раз уж покойный дочь предводителя дворянства врачевал. Да и губернатор теперь определительно поинтересуется.

– Так точно, Ваше высокоблагородие, – скороговоркой выговорил Залевский и стремительно шагнул к двери, будто пытаясь вырваться из душного кабинета. Но когда он потянул на себя бронзовую ручку, за спиной раздался голос начальника:

– А что если постараться, Владимир Алексеевич, и утереть нос судебному следователю?

Помощник повернулся и спросил растеряно:

– Простите?

– У вас же срок подошёл на надворного.²⁴ Вот мы вас к Владимиру IV степени и представим. По-моему, к вашему Станиславу с Анной он бы не помешал. К тому же, как вам известно, в следующем году меня переводят на повышение, а вы самый первый кандидат на должность полицмейстера. Жалование и столовые поднимут в два раза. За год, не считая квартирных, выйдет тысяча рублей. А это уже восемьдесят три рублика в месяц. Не бог весть сколько, но жить в провинции можно. Это же не столица с её завышенным прейскурантом. А для этого хорошо бы отыскать убийцу Целипоткина раньше Славина. Утрите ему нос, так же, как вы управлялись с делом Кипиани. Тогда и я походатайствую за вас перед губернатором. Что думаете?

– Постараюсь, Ваше высокоблагородие.

– Это хорошо, что постараетесь. Приложите все усилия. Не буду вас задерживать.

Залевский, затворив за собой дверь, наконец выдохнул полной грудью и подкрутил колечки усов, которые, как ему казалось, в присутствии начальника опустились вниз, точно склоняясь перед густыми и важными полковничьими усами.

Войдя в канцелярию, он окинул взглядом, склонившихся над конторками полицейских чиновников и прошёл к себе. Усевшись на скрипучий стул, коллежский асессор закурил папиросу. «Легко сказать – обойти Славина, – грустно подумал он. – У Славина и опыт, и хватка волчья, и беспринципность с цинизмом помноженные на полное отсутствие совести... Повезло один раз, но дважды такого везения не бывает... А тут ещё эта головная боль. Она появилась внезапно два года тому назад. Врачи твердят одно и то же – надобно чаще отдыхать и не переутомляться. Прописали дышать морским воздухом. Откуда, скажите, в степной провинции морской воздух? Или я должен бросить службу и умотать в Новороссийск, Сочи или Ялту? А жить на что? Моё годовое жалование – 642 рубля 80 копеек, из которых 142 рубля 80 копеек – квартирные, 250 рублей – само жалование и ещё 250 рублей – столовые. В месяц получается 53 рубля 50 копеек. Меньше, чем у машиниста поезда Ростово-Владикавказской железной дороги. Но одному, может быть, и хватило бы. Только на моих плечах старуха-мать, трёхлетняя дочь и жена. А если я уйду в отставку и займусь здоровьем, как тогда свести концы с концами?» – Полицейский поморщился. Череп, казалось, вот-вот треснет посередине, как переспевший арбуз. Он прислонил затылок к холодной стене и стало легче. Но мысли снова уносили его в прошлое: «Отец – боевой офицер. Храбро сражался в Кавказскую войну. Ходил на горцев в сабельные атаки. Получил два ранения. Отчаянный был и азартный. Перед самой

---

²⁴ Надворный советник – седьмой классный чин по Табели о рангах. Соответствует подполковнику и капитану второго ранга в армии и на флоте.

отставкой получил полковника. Именем не занимался, и оно пришло в упадок. Пришлось продать за бесценок... Хорошо хоть дал мне домашнее образование и в двадцать лет пристроил писцом второго разряда. Пристроил, но куда?! В Большедербентовское Улусное Управление. Выжженная солнцем калмыцкая степь. Адово пристанище. Соляные озёра. Ставка управления располагалась на реке Большой Егорлык, близ села Ивановского. А в нём всего четыре дома: три деревянных и один каменный. И бесчисленное множество калмыцких кибиток. Весь улус не насчитывал и десяти тысяч душ. Отец успокаивал. Говорил: “Ничего, сынок, потерпи. Служи верно государю. Честь превыше всего. Ты дворянин. *La noblesse oblige*²⁵”. Через семь лет я дорос до письмоводителя. В тот же год пришлось сдать экстерном экзамены за весь курс мужской гимназии. Настало время и указом Правительствующего Сената я получил первый классный чин. Был произведён в коллежского регистратора. С утра до поздней ночи гнулся над конторкой и, глотая пыль канцелярских бумаг, учился полицейскому ремеслу. Не прошло и трёх лет, как я стал губернским секретарём. Раскрыл несколько дел по горячим следам. Кражи и поножовщина – самые частые преступления в тех краях. Едва мне исполнилось двадцать девять, как меня назначили приставом четвёртого стана Медвеженского уезда Ставропольской губернии. Тогда в селе Привольном ограбили приход церкви Казанской Божьей Матери. Злоумышленник похитил 852 рубля. Учитывая высокую стоимость похищенного, мне пришлось лично выехать в это село и провести расследование. Как выяснилось, храм на ночь замкнули, но вор забрался внутрь по верёвке, привязанной ранее к вилке водосточной трубы, подходившей вплотную к верхнему церковному окну, не имевшему ни стекла, ни решётки. Похититель заранее привязал верёвку к водосточной трубе и сбросил её вниз. Ночью, добравшись до верхнего окна, он поднял верёвку и перекинул внутрь помещения. Спустившись в храм, преступник просверлил буравчиком несколько дыр в ящике, где хранились деньги, сделал в них прорезь ножом и, вытащив пробой, завладел деньгами. Верёвка, естественно, осталась на месте, а рядом с раскрытым ящиком валялся буравчик. По всей видимости, вор забыл его. Я объехал все скобяные лавки уезда, выясняя, где покупалась верёвка, оставленная на месте преступления и буравчик. Хозяин лавки села Преградного узнал свой товар и назвал покупателя. Им оказался местный крестьянин. Отыскал я и продавца буравчика. Это был сосед подозреваемого. Осмотрев последнего, я обнаружил у него ссадины на коленях и содранную до крови кожу на левой руке между большим и указательным пальцем. Эти раны остались от ожога верёвкой при спуске и подъёме. При обыске в его сарае нашлись и похищенные деньги, зарытые в углу. Он ещё не успел их потратить. На раскрытие преступления у меня ушло два дня. Меня сразу же представили к ордену Св. Станислава III степени... Отец к тому времени умер. Он так и не узнал, что в тридцать один год я уже служил приставом второй части Ставрополя. А это самый центр города: Николаевский проспект, улицы Михайловская, Александровская, Театральная, Варваринская... В том же 1880 году я получил коллежского секретаря, через два года – титулярного советника, а через четыре – должность помощника Ставропольского полицмейстера...».

Нервными толчками Залевский затушил в пепельнице папиросу, выпил стакан воды и боль стала потихоньку отступать. Он вынул из ящика письменного стола папку с газетными вырезками, достал одну из них, касающуюся того дела, о котором упомянул полицмейстер и улыбнулся. Да, то была его самая большая полицейская удача. И случилась она ровно год тому назад. В разделе «Происшествия» газета «Северный Кавказ» писала: «Вчера, между 8 и 9 часами утра, в городе Ставрополе, на Николаевском проспекте, в помещающихся в доме Улуханова и содержимых дворянкой Люцией Брохноцкой меблированных комнатах, найден убитым в своём номере, проживающий там с октября месяца 1886 года, находящийся в отставке, действительный статский советник Дмитрий Иванович Кипиани. Произведённым в то же утро

²⁵ Положение обязывает (франц.).

надлежащую судебную властью осмотром места происшествия обнаружено, между прочим, следующее: корпус дома, в котором помещается квартира Кипиани, расположен посреди двора и обращён лицевою стороною на переднюю, чистую часть этого двора, а заднею выходит на так называемый чёрный двор, причём оба эти двора, и чистый, и чёрный, обнесены высокою каменною стеною. Наружный двор лицевою стороною примыкает к Николаевскому проспекту, отделяясь от последнего трёхэтажным домом, занимаемым квартирою и аптекою. Кипиани снимал три комнаты: переднюю, приёмную и спальню. Его дверь находилась в конце коридора. Рядом с ним жительствовавший учитель Вардземшвиль, сверхштатный чиновник акцизного управления Артишевский, а напротив – актриса Бурляева. В квартиру статского генерала вела входная двухстворчатая дверь, оказавшаяся запертой изнутри на ключ. Одна половина её оказалась запертою наглухо верхним и нижним шпингалетами, а другая, с выдвинутым наполовину замочным снычком²⁶ и с вложенным в замочную скважину с внутренней стороны ключом, была отворена. Каких-либо повреждений на означенной двери или замке не замечено. А при сильном напоре со стороны коридора на эту дверь та половина её, в которой имелся ключ, хотя и была заперта последним на два оборота, отворилась свободно, произведя лишь стук, хорошо слышимый во всех отделениях номера покойного Кипиани, в том числе и в спальне. Очевидно, именно этим путём убийцы и проникли в квартиру, так как все окна были заперты и повреждений не имели. Передняя комната квартиры одинокого отставного статского генерала была отделена от приёмной высокою двустворчатой дверью и такая же дверь вела в спальню покойного. Впрочем, эти две двери никогда не запирались. Какого-то особого беспорядка в двух первых комнатах не наблюдалось и только на письменном столе, стоящем в приёмной, были разбросаны кучи бумаг, исписанных рукою убитого, в некоторых из ящиков того же стола всё было перерыто и, кроме того, лежало разорванное кожаное портмоне, запертое на маленький внутренний замочек. Высота обращённых на чёрный двор окон этой комнаты от земли до подоконника – 2 арш. 3 верш.²⁷ И под одним из них на дворе найдены, положенные один на другой, два больших камня, возвышающиеся над уровнем почвы на 1/3 аршина²⁸, так что даже человеку небольшого роста было видно всё, происходящее в приёмной.

Труп убитого Кипиани оказался лежащим на кровати в спальне, имеющей лишь одно окно с двойною рамою, завешанное тёмною шторою. Лежал он на правом боку, лицом к окну, с открытыми глазами, обращёнными в правый передний угол, тщательно прикрытый с головою одеялом и шерстяным пледом, так что оставались обнажёнными только ноги, на которых были видны ожоги и застывший воск. На полу валялись разбросанные в беспорядке десять штук белых полотняных носовых платков, лист белой бумаги, сложенный вчетверо и разные мелкие записки, писанные большей частью рукою Кипиани. Руки и ноги покойного были связаны, первые – загрязнённым холщовым носовым платком, вторые – грязными кальсонами; а на голове, в области левой височной части, имелась глубокая зияющая рана, образовавшая широкую щель, чрез которую замечалось отсутствие в черепной коробке значительной части мозга, коим вместе со сгустками крови были залиты находившиеся под головою подушки. Рана эта начиналась на левом виске вдавлением полушаровидной формы, имела продолжение, шедшее вдоль всего лица до левого угла рта, причём носовые и челюстные кости оказались раздробленными. На этом основании, производивший судебно-медицинское исследование трупа убитого врач Журавлёв пришёл к заключению, что смерть Кипиани последовала от раздробления костей черепа и разрушения большого участка головного мозга каким-либо тяжёлым предметом, имеющим полукруглую тупую поверхность и снабжённым длинною ручкою. Подле кровати, на которой лежал труп убитого, в ногах, найден оставленным на полу,

²⁶ Запор или засовец (язычок) в замке, который его запирает или открывает при обороте ключа.

²⁷ 2 аршина и 3 вершка – 1,55 м.

²⁸ 23 см.

чёрный кожаный саквояж, в стенке коего имелся продольный разрез, сделанный, как можно полагать, острым ножом, и тут же, на полу, был найден снаряжённый патрон от револьвера системы Лефоше, небольшого калибра. В этой же самой комнате оказалось испачканное кровью полотенце, которым, судя по отпечаткам пальцев, убийца вытирал окровавленные руки²⁹

---

²⁹ В описываемый период дактилоскопия, как отрасль криминалистической науки, ещё не существовала. И даже имея отпечатки пальцев, полиция не знала и не умела с их помощью изобличать преступников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.